

Глава 2

СЕВЕР ПОБЕРЕЖЬЯ ПЕРУ В КОНЦЕ I ТЫС. ДО Н.Э. — I ТЫС. Н.Э.

На протяжении нескольких последующих веков в северных и центральных районах Перу произошли события, приведшие к появлению первого государства Южной Америки или по крайней мере первого общества, для которого наличие хотя бы некоторых признаков государственной организации трудно оспорить. Речь идет о культуре мочика с центром в долине Моче (город Уакас-де-Моче). Напомним, что во II тыс. до н.э. эта долина уже была объединена вокруг Кабальо-Муэрто — комплекса монументальных сооружений культуры куписнике.

В пользу появления в Моче государственной организации есть два довода, которые сомнению практически не подвергаются. Во-первых, это наличие четырех уровней в иерархии поселений, а во-вторых, вероятный контроль Моче над некоторыми соседними долинами, отстоящими от столицы на десятки и даже сотни километров. Как минимум в сфере контроля Моче находилась расположенная к северу от нее крупная долина Чикама, а как максимум — расположенная далеко к югу долина Непенья, где был построен монументальный общественно-культовый комплекс Паньямарка (см. рис. 27). В частности в Чикаме монументальный комплекс Уака-Као-Вьехо на последнем этапе существования был оформлен так, чтобы детально копировать декор комплекса Уака-де-ла-Луна в Моче [Quilter 2010: 80–84]. Еще одним доводом в пользу наличия государства служат размеры монументальных сооружений в Уакас-де-Моче. В IV–VI вв. н.э. они, безусловно, превосходили по размерам любые другие постройки на Северном побережье.

Правда, размеры монументальных сооружений необязательно свидетельствуют о прямом контроле одних центров над другими — скорее об их неформальной иерархии. Мы уже говорили, что некоторые общественно-культовые сооружения побережья Перу II тыс. до н.э. потребовали для своего возведения затрат труда, сопоставимых с затратами труда для строительства платформ в Уакас-де-

Моче. К ним относятся не только памятники долины Касма, но также Ла-Флорида и Сан-Хасинто к северу от Лимы, а считать их столицами государств никто еще не предлагал. Тем не менее в сочетании с данными в пользу экспансии культуры мочика за пределы Моче размеры сооружений в мочикской столице все же можно счесть доводом в пользу наличия сложной и многоуровневой системы управления.

Между мочикой и куписнике существует значительная преемственность в отношении иконографии и содержания культовых изображений, а также ведущей формы парадной керамики — сосудов со стремевидным горлом-ручкой. При этом две культуры разделены промежутком примерно в 500 лет, когда на Северном побережье распространились сильно отличные от куписнике формы культуры.

В IV в. до н.э. на смену куписнике здесь приходит культура салинар. Все более ранние монументальные объекты в Моче были брошены, а население сосредоточилось в нижней части долины. Там появились оборонительные сооружения и возник город Серро-Арена (рис. 21 лев.) [Billman 2006: 187–223; Brennan 1982]. В нем мало построек, которые можно интерпретировать как общественно-культовые, и они невелики по размеру, зато вероятное число жителей (порядка 5 тыс. человек) превосходит соответствующие оценки для любых других более ранних или синхронных поселений на континенте. Среди 2 тыс. домов есть как хижины, состоящие из одного помещения, так и здания с хорошей отделкой и двумя десятками комнат (рис. 21 прав.). Похоже, что характер застройки в Серро-Арена был примерно такой же, как на поселении Сан-Диего в низовьях долины Касма, возникшем после оставления храмовых центров перуанского побережья в начале I тыс. до н.э. (рис. 14).

В расположенной южнее Моче долине Виру число жителей в период существования Серро-Арена сокращается — вполне вероятно, что люди переселились оттуда в Моче. Если элита Серро-Арена в той или иной степени контролировала не только Моче, но и соседние долины, формы этого контроля были иными, чем во II тыс. до н.э., — вряд ли религиозный авторитет, скорее военная сила.

После рубежа нашей эры ситуация вновь меняется. Моче переживает упадок, верховья этой долины, а также долины Виру захватывают группы горцев. Серро-Арена и много других поселений покинуты, на смену культуре салинар приходит культура гальинасо.

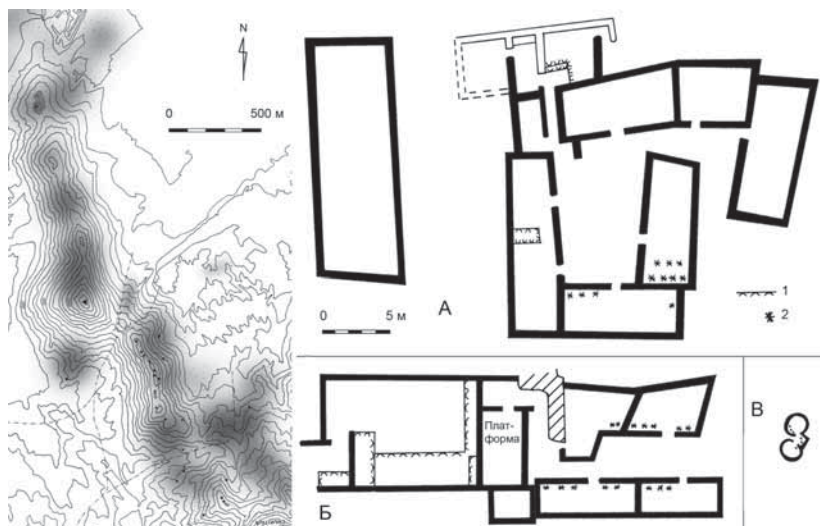

Рис. 21. Слева: примерная плотность застройки территории поселения Серро-Арена, скопления домов выделены темным. Справа: типы построек в Серро-Арена; А) элитарное домохозяйство; Б) ритуальный комплекс; В) бедное рядовое домохозяйство; 1) оштукатуренные скамьи и возвышения; 2) очаги, по [Brennan 1982, fig. 3, 4, 5]

Впервые распространяется изготовленный в формах прямоугольный сырцовый кирпич, лучше подходящий для монументального строительства, чем конические адобы. Политический центр долины Моче перемещается ближе к горам в Серро-Ореха — на передний край обороны против горцев (см. карту на рис. 7). В долине Виру, близ моря, возникает город Гальинасо, куда, вероятно, перешла жить другая часть населения Моче [Billman 2006: 235–267; Fariss 2008; Gagnon 2006; Millaire 2010a; Millaire, Eastaugh 2011]. Это поселение, число обитателей которого оценивают в 10 тыс. человек, с его огромными монументальными сооружениями было, по-видимому, столицей крупной политики. Учитывая наличие четырехранговой иерархии поселений в Виру, некоторые археологи говорят даже о государстве [Millaire, Eastaugh 2011: 295–296], но детально эту тему специалисты не обсуждали.

В северных долинах Хекетепеке и Ламбайеке культура гальинасо, возможно, распространяется раньше, чем в Моче и в Виру.

Культура салинар в этом районе представлена только отдельными находками керамики [Shimada 1994: 64–65], а крупных поселений не выявлено. В низовьях Хекетепеке около 300 до н.э. строится связаный с гальинасо монументальный комплекс Хатанка [Hahn 2009]. Был ли он единственным политическим центром долины, пока не ясно. Монументальная архитектура и крупные оросительные системы гальинасо выявлены и в Ламбайеке [Shimada, Maguñá 1994: 40–47].

Еще севернее в долине Пьюра культуре гальинасо синхронна культура викус (карта 11 на рис. 78). Она возникла в I в. до н.э. и просуществовала более трех веков [Kaulicke 2006]. Монументальная платформа Лома-Вальверде высотой 14 м сейчас занимает площадь 57×17 м, остальное было уничтожено ливневыми потоками во время эль-ниньо. Размеры монументального комплекса не оставляют сомнений в том, что речь идет о достаточно сложном обществе, хотя в целом система поселений викус не описана. Для викус характерна самая развитая для своего времени в Андах металлургия меди, в погребениях найдены даже проушные топоры, совершенно необычные для Нового Света [Campá Soler 1970; Lumbreras 1981: 220]. Золотые изделия также встречаются. Погребения представляют собой шахты с подбоем глубиной до 12–15 м [Disselhoff 1971: 14; Mejía Xesspe 1966], что связывает викус с культурами горной Колумбии. В Перу могилы подобного типа, хотя и не столь глубокие, есть на Центральном и Южном побережье (см. ниже о культуре паракас). В Пьюре неподалеку от центров культуры викус были разграблены богатые погребальные комплексы культур мочика (раннего этапа) и эквадорской толиты, о которых ниже. Все они явно синхронны, но их взаимоотношения неясны.

Около 200 н.э. в северных районах побережья Перу произошла новая культурная трансформация — культура гальинасо в Моче сменилась культурой мочика. Горцев вытеснили за пределы долины, в низовьях была возведена новая столица Уакас-де-Моче с монументальным комплексом Уака-де-ла-Луна, к которому позже добавилась гораздо большая по размеру Уака-дель-Соль. Одновременно с тем, как полития Мочика стала приобретать признаки государства, полития Виру утратила первенствующее положение, заимствовала от мочика некоторые культурные формы, но сохранила свою автономию [Bourget 2010; Millaire 2010b]. Более южные долины Чао, Санта и Непенья, видимо, подверглись прямой мочикской

колонизации [Busch 2009; Chapdelaine 2010; 2011: 204–205]. В долинах к северу от Чикамы в I–III вв. н.э. также возникают монументальные центры, власть в которых принадлежала мочикской элите, но археологи единодушны в том, что центру в Моче они не подчинялись. Одним из северных центров был уже упомянутый Сипан (рис. 22). В IV–VI вв. культура северных долин, в том числе элитарная, демонстрирует смешение черт, характерных для мочики и галлинасо [Castillo 2010; Hecker, Hecker 1995]. Лишь в VII в. здесь распространяется характерный позднемочикский стиль вазовых росписей, а размеры и структура поселений недвусмысленно свидетельствуют о существовании государственной организации (рис. 24, 26).

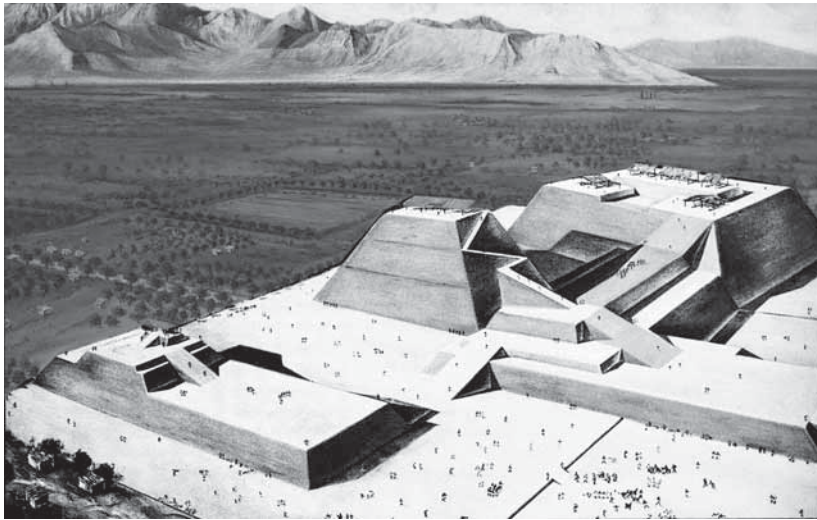

Рис. 22. Реконструкция монументальных платформ в Сипан — центре одного из политических образований уровня вождества, связанных с ранним этапом культуры мочики, II–III вв. н.э., долина Ламбайеке, по [Alva, Donnan 1993, fig. 39]. В кладке низкой платформы (внизу слева) находились камеры с погребениями знатных персон

В результате исследований последних 20 лет культурная и политическая обстановка на севере побережья Перу на протяжении первой половины и середины I тыс. н.э. стала намного понятнее, чем ранее. Строительство крупных каналов, рост населения и в конечном счете появление более сложной политической организации

и культурный подъем совпадают по времени с увеличением количества осадков в горах, в результате чего орошающие побережье реки и речки стали значительно полноводнее [Ortloff, Moseley 2009: 279; Shimada, Maguiña 1994: 40–47]. Судя по исследованиям в Моче, около рубежа нашей эры доля кукурузы в диете местного населения резко выросла [Lambert et al. 2012]. Что касается взаимодействия различных культур и их вариантов, то по всем признакам между создателями культур гальинасо и мочика (а вероятно, также куписнике и с меньшей уверенностью — салинар) не существовало значительных этнических различий. В Пьюре, где, как было сказано, наряду с материалами культуры викус есть относящиеся к ранней мочике, эти последние, по предположению некоторых археологов, также могли появиться вследствие использования местной элитой изделий, обладание которыми считалось престижным [Castillo, Uceda Castillo 2008: 719]. Те различия между культурами, которые имелись, вряд ли совпадали с ареалами распространения отдельных элитарных архитектурных и художественных традиций [Makowski 2010; Shimada, Maguiña 1994]. Не было заметного притока нового населения и в VIII–IX вв. н.э. после гибели культуры мочика [Shimada 1994: 274]. Состав населения не менялся существенно, все миграции имели локальный характер — из одной части долины в другую либо между соседними долинами. В то же время смена культур сопровождалась резкими изменениями в типах поселений и построек, изменением форм парадной (а иногда и бытовой) керамики, распространением новой иконографии. Часть нововведений могла быть обусловлена влиянием жителей горных районов, что особенно вероятно для культуры салинар [Shimada 1994: 64–65], либо появлением новых групп элиты с крайнего севера побережья (после гибели мочика). Однако в основном смена культур отражала идеологические и социальные, а не этнические процессы.

Иконография мочика, как уже говорилось, продолжила традиции куписнике и отчасти салинар, но приобрела также множество новых и совершенно оригинальных элементов [Quilter 2001]. Сходная иконография представлена на изображениях всех категорий — росписи на стенах святилищ и на керамике, изделия из металлов, дерева и пр. В гальинасо сюжетных изображений ни на керамике, ни на стенах построек практически нет, а элитарные захоронения с золотом и другими ценностями не найдены. За различиями такого рода можно разглядеть поиск местной элитой наиболее эффектив-

ных способов удержания власти. Видимо, те способы, которые были опробованы во II в. н.э., оказались достаточны для того, чтобы политическое образование со столицей в низовьях Моче просуществовало еще несколько столетий. Одновременно с основанием Уакасе-Моче появился ритуал, включавший участие персон высшего ранга в церемонии казни пленников (рис. 23) [Donnan 2010]). Был ли он разработан конкретно в Моче и сразу же заимствован элитой более северных вожеств, которые Моче не подчинялись, не ясно, но ритуал достаточно специфичен и вряд ли мог возникнуть независимо в нескольких центрах. Исследования показывают, что в Моче предназначенных для казни брали в плен за пределами долины и что речь, скорее всего, идет о реальных, а не ритуальных — типа рыцарских турниров — сражениях [Phillips 2009: 41, 72, 125–126, 133; Sutter, Cortez 2005; Verano 2001]. В частности, массовые захоронения истерзанных пленников найдены рядом с общественно-храмовыми комплексами, где происходил ритуал [Quilter 2010: 73]. Данную практику жертвоприношений следует отличать от более обычной практики — помещать сопроводительные жертвы в могилы знатных персон [Gaither et al. 2008].

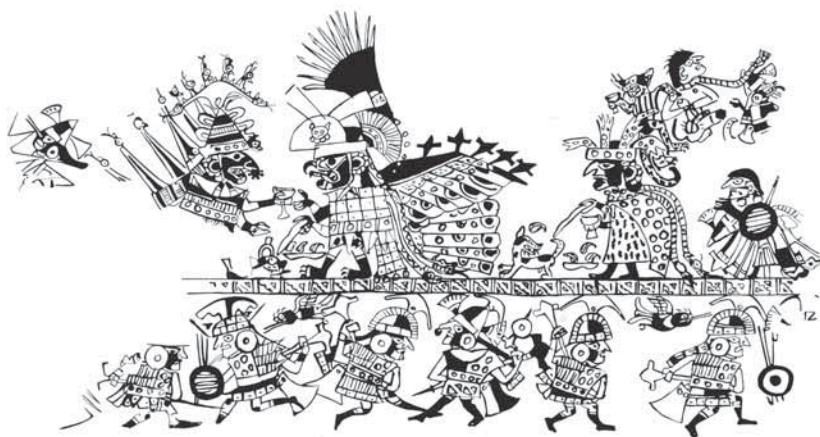

Рис. 23. Развертка росписи на сосуде мочика (IV–V вв. н.э.) с изображением воинов, сражающихся на земле, и божеств, находящихся на небе и исполняющих ритуал. Реально такой ритуал совершался с участием знатных персон в главных храмовых центрах. Лицу, занимавшему высший пост в иерархии, подносили кубок, наполненный кровью пленников, по [Donnan, McClelland 1999, fig. 6.42]

Анализ археологических материалов, полученных при раскопках города Уакас-де-Моче и других центров культуры мочика, в сочетании с данными иконографии позволяет предполагать, что к концу VI в. н.э. элита мочика была вынуждена отказаться от прежней идеологии. С этого времени сцены, имеющие отношение к церемонии казни пленников, а также некоторые другие сюжеты исчезают из репертуара изображений. Резко меняется и сам стиль росписей. Полития с центром в Уакас-де-Моче не исчезла, но значительно сократилась в размерах. Наряду с ней на Северном побережье Перу возникают другие политии. Все они в большей или в меньшей степени продолжали традиции культуры мочика, но разрыв с идеологией, характерной для мочикского государства в III–VI вв., сомнений не вызывает [Lockard 2009]. Один из новых центров, Галиндо, возник в самой долине Моче близ выхода реки на равнину. Площадь Галиндо оценивается в 6 кв. км, но, судя по опубликованному плану, плотно застроены были лишь 2,5 кв. км [Bawden 1982, fig. 12.1; 2001: 294, fig. 3]. Еще более крупный центр этого времени вырос в 180 км севернее Моче в долине Ламбайеке, причем не в ее прибрежной части, а, как и Галиндо, близ выхода реки на равнину рядом с головными сооружениями магистральных каналов. По размеру и сложности планировки, отражающей разнообразие административных и производственных функций, Пампа-Гранде площадью порядка 6 кв. км [Shimada 1994: 140] существенно превосходит старую столицу Уакас-де-Моче, площадь которой была порядка 1 кв. км (рис. 24) [Amico 2010, fig. 4].

Судя по найденным материалам, на вершине главного монументального сооружения в Пампа-Гранде, Уака-Форталесы, происходили помпезные ритуалы. Здесь, вероятно, располагались также здания, служившие резиденцией высших лиц государства [Haas 1985; Shimada 1994: 151–154]. Размерами Уака-Форталеса сопоставима с Уака-дель-Соль, самой большой сырцовой платформой в столице Мочика в Моче (рис. 26). Первоначальный объем Уака-дель-Соль трудно в точности оценить из-за разрушений колониального времени, максимальные размеры — 340×160×40 м [Uceda Castillo 2001: 47]. Максимальные размеры Уака-Форталесы — 270×185×54 м, объем — 1,26 млн куб. м [Haas 1985: 393]. На первую из платформ вел пандус длиной 290 м [Shimada 1994: 145]. Оба искусственных сооружения — крупнейшие в доиспанской Южной Америке, но при этом следует учитывать, что Уака-Форталеса была

Рис. 24. Сравнительные размеры крупнейших центров культуры мочика — Уакас-де-Моче в долине Моче (период расцвета — III–VI вв. н.э.) и Пампа-Гранде в долине Лайбайеке (VII–VIII вв. н.э.). Территория Уакас-де-Моче выделена заливкой и определена приблизительно, на значительной ее части культурные слои уничтожены либо перекрыты аллювиальными отложениями, по [Amico 2010, fig. 4; Chapdelaine 2001, fig. 1; Shimada 2001, fig. 2]

построена за более короткий срок — 25–50 лет [Shimada 1994; Shimada, Shimada 1981: 66].

Как только что было сказано, около 600 н.э. в идеологии правящей группы мочика произошли какие-то важные изменения. Они не были чем-то исключительным — двумя веками раньше сюжеты и стиль изобразительного искусства тоже менялись, а на поселениях одни ритуальные комплексы были оставлены, а другие построены [Uceda Castillo 2010: 140]. Подобные изменения долгое время воспринимались как свидетельства обычной эволюции культуры во времени и как явления, касающиеся исключительно иконографии, хотя практически полное отсутствие изображений, датируемых переходом от одного стиля к другому, и вызывало удивление. Сейчас ясно, что речь идет не об эволюции мочикского искусства во вре-

мени, а об отражении в этом искусстве разных идеологических комплексов, частично синхронных друг другу. Обилие фигуративных сюжетных изображений позволяет в случае с мочика если не реконструировать эти комплексы, то по крайней мере зафиксировать их наличие (рис. 25). Это отчасти касается и культур Южного побережья Перу, паракас и наска, также отличающихся богатой иконографией. Можно, однако, предполагать, что борьба групп элиты за власть, выраженная в форме религиозного конфликта, имела место в любых обществах — по крайней мере во всех, которые, подобно культурам Перу, часто сталкивались с изменениями природных и социальных условий и должны были на них реагировать.

Рис. 25. Прорисовка росписи на сосуде мочика, изображающей так называемый «бунт вещей», по [Donnan, MacLelland 1999, fig. 4–70]. Справа — сцена расправы оживших предметов одежды и вооружения воинов над своими хозяевами, слева — зооморфные персонажи во главе с мужчиной в лучистом ореоле (вероятно, богом солнца), занятых «подавлением бунта». Во главе предметов находятся бог-сова и женское божество — вероятно, богиня луны [Березкин 1983: 87–89; Berezkin 1981: 14–15]. Настенные росписи на данный сюжет обнаружены в двух крупнейших мочикских святилищах — Уака-де-ла-Луна в долине Моче и Паньямарка в долине Непенья. Они выполнены в стиле мочика-IV, связанном с возвышением Уакас-де-Моче. Ранее этот сюжет на росписях не встречается. О его важности для правящей элиты свидетельствует тот факт, что в тех же святилищах представлены еще только сцены, связанные с церемонией казни пленников (рис. 23)

Около 700 н.э. Пампа-Гранде была оставлена людьми, а строения на Уака-Форталеса погибли в огне [Shimada 1994: 247–248, 253]. В пользу внешней агрессии нет данных, так что исследовавший памятник И. Шимада пришел к выводу, что позднемочикское

государство рухнуло в результате внутреннего конфликта. Однако традиции государственности в северных долинах побережья не угасли. Через полтора-два века здесь возникло новое государство, соответствующее культуре сикан, она же ламбайеке, со столицей в Батан-Гранде [Shimada 1985; 1987; 1990; Shimada, Cavallaro 1985]. Около 1050 этот город был сожжен и разграблен, а столицей стал Тукуме, он же Эль-Пургаторио [Dulanto 2008: 762; Shimada, Elera 1983: 46].

В культуре ламбайеке впервые в Америке была начата выплавка меди, точнее мышьяковистой бронзы, из минерала энаргита (Cu_3AsS_4). Отдельно добывали арсениопирит (FeAsS). Переход от получения меди из окислов к ее добыче из серосодержащей руды многократно увеличил объем добываемого металла и улучшил его свойства [Lechtman 1991; Pedersen 1976; Shimada 1985: 368–369; Shimada, Merkel 1991]. Мышьяковистую бронзу начали применять для изготовления не только явно церемониальных предметов, но и крупных насадок на деревянные рукояти, возможно, служивших орудиями [Lechtman, Macfarlane 2005, fig. 5]. Резко расширяется в ламбайеке и добыча золота, из которого делают огромные кубки, маски и жертвенные ножи [Kauffmann Doig 1999; Shimada, Griffin 1994]. Как по весу изделий, так и по их количеству на ламбайеке приходится львиная доля дошедших до нас древнеперуанских предметов из драгоценных металлов.

Около 1100 н.э. и затем снова полтора века спустя большие долины северного побережья были опустошены самыми мощными в голоцене эль-ниньо, а около 1375 г. эта территория перешла под контроль государства Чимор с центром в Чан-Чане в долине Моче. В период расцвета культуры ламбайеке в Батан-Гранде и в Тукуме продолжалось строительство гигантских платформ из сырцового кирпича, лишь немного уступающих по размерам платформам в Укас-де-Моче и Пампа-Гранде. В частности, крупнейшая платформа Батан-Гранде имеет площадь основания 100×80 м при высоте 35 м [Shimada, Cavallaro 1985: 50]. Однако в столице Чимор Чан-Чане возобладали архитектурные традиции горной области, связанные с влиянием культуры уари, о которой ниже. Вместо огромных платформ здесь строятся обширные прямоугольные комплексы с лабиринтообразной планировкой. Трудно оценить, в какой мере различия в архитектуре отражают различия в формах управления. Известная нам по документам испанского времени социоэкономи-

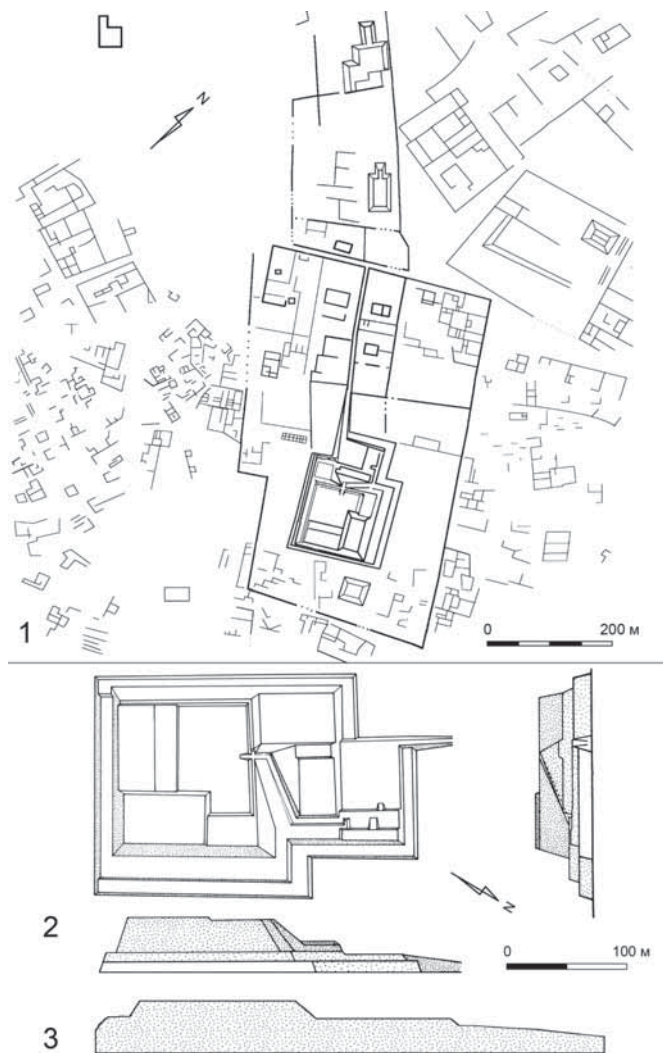

Рис. 26

- 1) Центральная часть Пампа-Гранде с монументальным комплексом Уака-Форталеса.
- 2) План и разрез Уака-Форталеса.
- 3) Разрез платформы Уака-дель-Соль в том же масштабе, по [Moore 1996, fig. 2.20, 32; Shimada 1994, fig. 7.7]

ческая организация Чимор была близка инкской и основана на государственном регулировании производства и распределения [Kolata 1983]. Подобная традиция, по-видимому, сложилась в горных районах центрального и южного Перу и северо-западной Боливии. Пампа-Гранде, однако, тоже представлял собой не город независимых мастеров и торговцев, а одну гигантскую мастерскую, созданную для возведения и обслуживания огромного неутилитарного объекта [Shimada 1994: 216–225]. С точки зрения интересов большинства населения, концентрация людей в городе не имела смысла.

Что касается культуры сикан, то данные для реконструкции социально-экономических отношений в этом обществе не столь обильны, как для общества Пампа-Гранде. Важные выводы сделаны, однако, на основе изучения землепользования — датировки поселений и оросительных каналов в долине Ламбайеке. Оказалось, что в период культуры сикан поля принадлежали местному населению или по крайней мере провинциальной элите, а после завоевания этой территории сперва государством Чимор, а затем Инками все ресурсы оказались под прямым контролем центральной власти [Hayashida 2006]. Сикан отличается от других культур Боливии и Перу наличием заменителей денег — тонких медных пластин и более крупных предметов в форме лезвий топоров [Shimada 1987: 141–143; Shimada, Griffin 1994: 67]. Они служили для накопления ценностей, но, может быть, также и для обмена. Точно такие же предметы найдены среди материалов эквадорской культуры мантеньо — торгового партнера Сикан (о ней ниже).

К приходу испанцев традиция государственности, характерная для севера побережья Перу и восходящая к культуре мочика (а опосредованно, вероятно, и к общественно-храмовым центрам III–I тыс. до н.э.), находилась в упадке. Случилось это, однако, не в силу внутренней слабости, а под воздействием внешних факторов — природных катастроф (из которых мы упомянули лишь часть) и внешней агрессии со стороны Инков. Что же касается периода политической дезинтеграции на севере побережья Перу в VIII–IX в. н.э., то он не был продолжительным и не привел к разрыву с традицией. Возникшие в X в. новые государственные образования (Сикан и Чимор) не начали развиваться с уровня простых вожеств, а явно использовали опыт своих недавних предшественников. Начиная с первых веков нашей эры на севере побережья Перу всегда

существовало хотя бы одно крупное государственное образование, а политическая дезинтеграция затрагивала лишь отдельные группы долин, но не весь ареал. Для VIII–IX вв. н.э. таким государством с территорией от долины Чао до долины Уармей (200 км вдоль побережья) являлась Касма [Vogel 2011]. Ее столица Эль-Пургаторио (не путать с Тукуме, для которого название «Эль-Пургаторио» также используется) находилась в южной части долины Касма. В середине XIV в. эту область завоевало государство Чимор, а через сто с лишним лет — Инки.

Развитие сложных обществ на Центральном побережье Перу в первой половине и середине I тыс. н.э., скорее всего, шло тем же путем, что и в более северных долинах, но эти памятники хуже изучены. Синхронной мочике культуре лима вполне могла соответствовать государственная структура [Agurto Calvo 1984; Cavatruni 1990]. Образцов фигуративного искусства лимы мало, но художественный и технический уровень имеющихся очень высок. Среди них есть сосуд с изображением мифического персонажа с головами-трофеями в руках [Lumbreras 1975, fig. 213] — тема, характерная для большинства перуанских культур. Основные памятники лимы, в том числе город Кахамаркилья и комплекс монументальных сооружений Маранга, в значительной мере уничтожены строительными работами на территории перуанской столицы. Одним из культовых центров лимы был храм Пачакамак в долине Лурин. Однако в основном найденные там материалы относятся к периоду господства на Центральном побережье культуры уари, к прединкскому и инкскому времени.